

МАЙКЛ ШЕЙБОН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш 39

Michael Chabon
MOONGLOW
Copyright © 2016 by Michael Chabon
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Шейбон М.

Ш 39 Лунный свет : роман / Майкл Шейбон ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 480 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-12462-2

Впервые на русском — новейший роман признанного мастера современной американской прозы, лауреата Пулицеровской премии, автора таких международных бестселлеров, как «Невероятные приключения Кавалера и Клея», «Союз еврейских полисменов», «Питтсбургские тайны», «Вундеркинды» и др. Это роман о правде и лжи, о великой любви, о семейных легендах и о большом экзистенциальном приключении. Герой Шейбона преследует Вернера фон Брауна в последние дни Второй мировой войны и охотится во Флориде на гигантского питона, сожравшего кошку у соседки-пенсииерки, минирует мост возле Вашингтона, строит модели ракет и лунного города и прячет от жены, известной телезрителям как Ночная ведьма Невермор, старую колоду Таро...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12462-2

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство ИНОСТРАНКА®

Шейбон — вероятно, самый демократичный из наших великих писателей со времен Апдайка.

USA Today

Пожалуй, это самая глубокая и трогательная работа прославленного лауреата Пулицеровской премии за всю его карьеру.

Boston Globe

Лихой вымысел, ювелирно маскирующийся под искренний мемуар... Восхитительно.

Newsday

Кто, кроме Шейбона, смог бы сплести в настолько блистательное целое магию и ракетостроение? Не говоря уж обо всем остальном.

Wall Street Journal

Неимоверно увлекательная история о семейных тайнах, которые чувствуешь, но не видишь — как темное вещество в сердце каждой семьи.

Washington Post

Смелое, мастерски выписанное признание в любви к целому поколению.

New York Review of Books

История безрассудства, смелости и утраты, разворачивающаяся в масштабах всего XX века.

Kansas City Star

Ну почему весь мир не может быть так же наполнен любовью, как «Лунный свет»?

Роберт Кривстаун (The Village Voice)

Новейший роман Шейбона подобен слоеному пирогу из семейных легенд и романтически окрашенных воспоминаний. Он отнюдь не лишен структуры, но определяется она скорее логикой памяти, нежеланием спрямлять углы. Траектория повествования ведет сложным зигзагом через пространство и время, от Германии военной поры до современной Америки...

New York Times

Шейбон — прирожденный рассказчик длинных историй, у него дар нагнетать напряжение и разжигать читательский интерес. Очень понятно, почему его самая известная книга «Необыкновенные приключения Кавалера и Клея» — это история о том, как изобретали супергероев для комиксов, ведь его собственные герои всегда наполовину масштабнее обычных людей. Действительно, можно представлять его книги как комиксы в прозе, где очень яркие и живые метафоры выполняют роль линии и цвета. Такие маленькие вспышки словесной магии случаются практически на каждой странице «Лунного света».

Tablet

Имя Шейбон стоит запомнить — во-первых, потому, что у него есть еще несколько (непереведенных) книг, во-вторых, ему всего сорок, так что, может статься, лет через двадцать он будет не апдайк, так сэлинджер.

Лев Данилкин (Афиша, 2005)

Его романы — это взрывная смесь из всего, что мы любим.

Лиза Бургер (The Village)

ЛУННЫЙ СВЕТ

Предисловие автора

В этих мемуарах я следовал фактам, если только факты не вступали в противоречие с моими воспоминаниями, задачей рассказчика или истиной, как я предпочитаю ее понимать. Могу заверить читателей, что, допуская вольности в именах, датах, местах, событиях и разговорах, а также в характерах, мотивах и взаимодействии исторических лиц и родственников, я строго держался принципа ни в чем себе не отказывать.

СЕЙЧАС! **РАКЕТА ДЛЯ ТЕБЯ!**

ТОЧНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАКЕТЫ ВМС США
«АЗРО-БИ-ХАЙ» В МАСШТАБЕ 1:20

Вся ракета безопасно возвращается на парашюте

- 4 года на разработку, \$50 000 на производство
- Испытания проведены на ракетном полигоне «Уайт-Сэндс»
- Ракетный двигатель (тяга два фунта каждые две секунды) получил сертификат безопасности Международного совета по нормам и правилам
- Поднимается до высоты 1000 футов со скоростью 150 миль/ч, выбрасывает парашют для безопасного спуска
- Получила одобрение ученых и конструкторов как безопасная модель ракеты
- Мыс Канаверал в миниатюре — познавательный, надежно, не имеет аналогов

15 000 человеко-часов конструкторских исследований ушли на разработку этой удивительной модели исследовательской ракеты ВМФ США «Аэро-би-хай» в масштабе 1:20, которая взмывает на высоту 1000 футов (скорость 150–200 миль в час), выпускает из мягкого винилового носа парашют и благополучно возвращается на землю. Чтобы сложить парашют и установить новый мотор, требуется всего 5 минут, после чего ракета снова готова к запуску. Твердотопливному ракетному двигателю, получившему сертификат безопасности МСНП, как и самой ракете, посвящена статья в журнале «Иллюстрированная механика». Набор, который собирается без труда и включает все необходимые детали, в том числе 6 двигателей и одну пусковую установку с рельсовыми направляющими, стоит \$9,95 по предоплате. Масштабная стальная ПУ высотой 42 дюйма с возможностью наклона до 10° для поправки на ветер в полном наборе за \$9,95 по предоплате. Дополнительные моторы — 6 за \$2,95 по предоплате. Если вы возвращаете товар, мы гарантированно вернем вам деньги!

C/S КОМПАНИЯ «ШЕЙБОН САЙНТИФИК»
13088 ЛИНКОЛН-БИЛДИНГ, 40,
ВОСТОЧНАЯ 42-Я УЛИЦА,
НЬЮ-ЙОРК 17

ESQUIRE : December

353

Вот эта история, как я ее слышал. Когда Элджер Хисс вышел из тюрьмы, его никто не брал на работу. Он окончил Гарвардскую юридическую школу, служил секретарем у Оливера Уэнделла Холмса и участвовал в создании ООН, но притом был разоблаченным агентом мирового коммунизма и отсидел за дачу ложных показаний. Он опубликовал мемуары, такие скучные, что никто их не читал. Жена от него ушла. Он остался без денег и без надежды на будущее. В конце концов кто-то из бывших друзей сжалился и по благу устроил его в компанию, делавшую из струнной проволоки заколки для волос. «Федеркомс инкорпорейтед» поначалу процветала, затем более мощный конкурент стал копировать ее модели, воровать ее торговые марки и сбивать цены. Продажи упали. Лишних мест в штате не было. Чтобы освободить место для Хисса, кого-нибудь надо было уволить.

В заметке от 25 мая 1957 года, сообщавшей об аресте моего деда, «Дейли ньюс» со слов неназванного сослуживца охарактеризовала его как «человека тихого и незаметного». Для коллег по отделу продаж в «Федеркомс» он был фетровой шляпой на вешалке в углу — самым работающим и самым никчемным сотрудником отдела. В обеденный перерыв он уединялся со своим сэндвичем и читал «Небо и телескоп» или «Авиационный еженедельник».

Про него знали, что он водит «кросли», женат на иностранке, воспитывает дочь-подростка и живет с ними где-то в самой глухой части округа Берген. До ареста дед хоть как-то проявил себя перед сотрудниками лишь дважды. Во время пятой игры международного чемпионата по баскетболу в отделе сломалось радио, и дед его починил: нашел перегоревшую лампу и заменил исправной, которую вытащил из телефонного коммутатора. Другой раз рекламщик фирмы рассказал, что столкнулся с моим дедом в миллбернском театре «Пейпер-Милл», где его жена-иностранка ни много ни мало играла Серафину в «Табуированной розе». Больше о нем ничего не знали, и деда такое положение, видимо, устраивало. Его уже давно не пытались втянуть в разговор. Ему случалось улыбаться, но смеха его никто не слышал. Если у деда были мнения о политике — или вообще какие-либо мнения, — для сотрудников «Федеркомс инкорпорейтед» они оставались тайной. Начальство сочло, что такого работника можно уволить без ущерба для корпоративного духа.

Вскоре после девяти часов утра двадцать четвертого мая директор «Федеркомс» услышал шум в приемной, где сидела смышленная девица, ограждавшая его от кредиторов и налоговых инспекторов. Мужской голос что-то требовал с настойчивостью, быстро перераставшей в гнев. Интерком на директорском столе тренькнул раз-другой. Раздался звон стекла, затем звук, словно телефонную трубку с размаху шваркнули на аппарат. Прежде чем директор успел встать с кресла и выяснить, что происходит, в кабинет двинулся мой дед. Он потрясал черной телефонной трубкой (в те времена это было тупое орудие), за которой тянулись три фута оборванного провода.

В конце тридцатых дед в промежутках между обыгрыванием простаков в бильярд проучился четыре года в Дрексельском технологическом, зарабатывая на учебу грузчиком пианино в магазине «Уонамейкер». Плечи

у него были в ширину дверного проема. Курчавые волосы, которые он ежедневно приглаживал бриолином, растрепались и стояли копной. Лицо так налилось кровью, что казалось загорелым. «Я ни разу не видел человека в такой ярости, — сообщил „Дейли ньюс“ очевидец. — Мне показалось, от него пахнет дымом».

Директор «Федеркомс» сделал для себя неприятное открытие, что час назад уволил психопата.

— В чем дело? — спросил он.

Вопрос был бессмысленный, и мой дед не удостоил его ответом. Он вообще не любил говорить то, что и так ясно. Вопросы, считал он, чаще всего задают, чтобы заполнить зону молчания, притормозить его, деда, переключить его внимание и энергию. В любом случае он всегда не дружил со своими чувствами. Мой дед ухватил конец провода и дважды обернул вокруг левой руки.

Директор попытался встать, но его ноги застряли под столом. Кресло откатилось назад и упало, дребезжа колесиками. Он завопил. Это был зычный вопль, почти йодль. Когда мой дед навалился на директора, тот вывернулся в сторону окна, выходящего на Восточную Пятьдесят вторую улицу, и успел заметить, что на тротуаре внизу вроде бы собирается толпа.

Дед набросил телефонный провод на горло директора. У него было минуты две до того, как ракета его гнева сожжет свое топливо и начнет спуск к Земле. Несколько минут вполне бы хватило. Во время Второй мировой войны деда научили пользоваться гарротой¹. Он знал, что задушить, умеючи, можно очень быстро.

— О господи, — выговорила секретарша мисс Мангель, запоздало появляясь на пороге.

Мисс Мангель не растерялась, когда дед ворвался в кабинет; позже она рассказывала, что ей показалось, будто

¹ Кусок все той же струнной проволоки, обычно спрятанный в обувном шнурке. (Здесь и далее примеч. авт.)

от него пахнет дымом. Она успела дважды нажать кнопку интеркома, прежде чем дед вырвал у нее трубку. Он схватил интерком и выдернул провод из гнезда.

— Вы за это ответите, — сказала мисс Мангель.

Пересказывая эту историю тридцать два года спустя, дед ставил рядом с именем мисс Мангель галочку восхищения, но тогда ракета его гнева была в середине восходящей ветви параболы, и слова секретарши дали ей новый импульс. Дед швырнул интерком в окно. Звук, услышанный директором, издал аппарат, вылетая сквозь стекло на улицу.

Услышав снизу возмущенный крик, мисс Мангель подошла к окну посмотреть. На тротуаре сидел мужчина в сером костюме и смотрел на нее снизу вверх. Левое стекло его круглых очков было залито кровью. Он смеялся¹. Столпившиеся вокруг прохожие предлагали помощь. Вахтер сказал, что сейчас вызовет полицию. Тут-то мисс Мангель и услышала вопли шефа. Она отвернулась от окна и вбежала в кабинет.

На первый взгляд помещение казалось пустым. Затем она услышала скрип обуви по линолеуму — раз, второй. Над столом показался затылок моего деда и снова исчез. Храбрая мисс Мангель обошла стол. Ее начальник лежал ничком. Мой дед сидел у того на спине, подавшись вперед, и душил его импровизированной гарротой. Директор бился и сучил ногами, силясь перевернуться на спину. Мертвую тишину нарушал лишь звук, с которым скребли по линолеуму носки его дорогих кожаных туфель.

¹ Про человека, которого нечаянно чуть не зашиб (по счастью, аппарат лишь немного задел его голову), мой дед знал только, что тот не стал подавать иск. «Дейли ньюс» разыскала жертву. Это оказался Иржи Носек, глава чехословацкого представительства в международном органе, к созданию которого приложил руку Эдджер Хисс. «Впервые высокопоставленного коммунистического деятеля задело пролетающим телефонным аппаратом, — писал корреспондент „Дейли ньюс“ тоном преувеличенной серьезности. — Носек заявил, что, как настоящий чех, должен смеяться над всем, что его не убило».

Мисс Мангель схватила с директорского стола нож для бумаг и вонзила деду в левое плечо. По оценке деда, выскозанной много лет спустя, этот поступок тоже заслуживал галочки.

Нож вошел не больше чем на полдюйма, но резкая боль блокировала какой-то телесный канал гнева. Дед засопел. «Я как будто проснулся», — сказал он, когда первый раз излагал мне эту историю меньше чем за неделю до смерти. Он снял провод с директорской шеи и смотал с руки, на которой остались глубокие борозды. Трубка с грохотом упала на пол. Дед встал, упираясь подошвами в пол по обе стороны от директора, и шагнул вбок. Директор перекатился на спину, сел, затем отполз на задку в промежуток между двумя шкафчиками. Он со всхлипом втянул воздух. В падении он прикусил нижнюю губу, и сейчас зубы у него были розовые от крови.

Мой дед повернулся к мисс Мангель. Вытащил нож для бумаг из плеча и положил на директорский стол. Когда его приступы гнева иссякали, можно было видеть, как к глазам приливает раскаяние.

— Простите меня, — сказал он мисс Мангель и директору.

Думаю, он сказал это также моей матери, которой в то время было четырнадцать, и бабушке, хотя уж ее-то вины тут было не меньше. Возможно, оставалась еще маленькая надежда на прощение, но дед говорил так, будто не ждет его, да, в общем-то, и не хочет.

Дед умирал от рака костей, и врач для обезболивания прописал ему гидроморфон. Я заглянул попрощаться с дедом примерно в те дни, когда немцы ломали Берлинскую стену, и мягкий молот опиоида как раз пробил брешь в его привычке молчать. На меня полились рассказы о не-

счастьях, о сомнительном везении, о подвигах и неудачах. Мама устроила его в своей гостевой спальне, и к тому времени, как я добрался до Окленда, ему уже кололи почти двадцать миллиграмм в день. Дед заговорил, не успев я сесть рядом с кроватью. Это выглядело так, будто он меня ждал, но, наверное, он просто чувствовал, что время поджимает.

Воспоминания шли в произвольном порядке, кроме первого, оно же самое раннее.

— Рассказывал ли я тебе, — спросил он, беспечно развалясь на своем паллиативном облаке, — как выбросил котенка в окно?

Я не сказал — ни тогда, ни в последующие дни до того, как дед погрузился в это облако окончательно, — что он вообще почти ничего не говорил мне про свою жизнь. Мне еще только предстояло узнать о нападении на директора «Федеркомс инкорпорейтед», поэтому я не мог заметить в ответ, что в его автобиографии рано наметился мотив дефенестрации. Позже, когда он поведал мне о мисс Мангель, интеркоме и чешском дипломате, я предпочел оставить остроумное замечание при себе.

— Он разбился насмерть? — спросил я.

Я ел из чашки малиновые мармеладные шарики. Дедов желудок ничего не принимал, кроме этих шариков и ложки-двух куриного бульона, который мама готовила ему по рецепту бабушки, родившейся и выросшей во Франции, — по этому рецепту бульон осветляют лимонным соком. Даже на мармеладные шарики деда не очень тянуло, так что их можно было не экономить.

— Это был третий этаж, — сказал дед и добавил так, будто его родной город славится твердостью своих мостовых: — В *Филадельфии*.

— Сколько тебе было лет?

— Три или четыре.

— Господи. Зачем?

Дед высунул язык один раз, второй. Он делал так каждые несколько минут. Часто казалось, будто он высмеивает мои слова, но на самом деле это был побочный эффект лекарства. Язык был бледный, ворсистый. Я знал, что дед может дотянуться его кончиком до носа, — в детстве мне очень нравилось на это смотреть, только он редко соглашался. Небо за окном маминой гостевой спальни было серым, как венчик волос вокруг загорелого дедушкиного лица.

— Любопытство, — заключил он и снова высунул язык.

Я ответил, что, по слухам, любопытство бывает опасным, особенно для кошек.

В детстве мой дед жил с родителями, отцовским отцом и своим младшим братом Рейнардом — дядей Рэем моей матери — в трехкомнатной квартире в доме на углу Третьей улицы и Шанк-стрит в Южной Филадельфии.

Его отец, немецкоговорящий уроженец Пресбурга (ныне Братислава), в двадцатых-тридцатых годах пытался зарабатывать бакалейной торговлей. Прогорев в очередной раз, он понял, что проще стоять за чужим прилавком и смотреть, как грабят чужую кассу, и променял мечту о собственном деле на место продавца в винном магазине. В рассказах деда его мать предстает двуязычной и бесконечно доброй, «святой», посвятившей себя рабскому служению мужу и сыновьям. На фотографии это приземистая женщина, затянутая в стальной корсет, обутая в практичные черные туфли, с таким бюстом, что в нем могли бы поместиться турбины. Почти неграмотная, она ежедневно заставляла деда, а позже дядю Рэя читать ей газеты на идише, чтобы быть в курсе всех последних бедствий еврейского народа. Из недельного семейного бюджета прабабушка ухитрялась заныкать доллар-два для *пушке*. Дети, осиротевшие при погромах, получали еду, беженцы — билет на пароход. Целые склоны в Палестине расцветали садами благодаря ее сердобольной расточительности. «Зимой белье замерзло на веревке, — вспоми-

нал мой дед. — Маме приходилось таскать его на руках по лестнице на наш этаж». Дядю Рэя я помню плейбоем в конце шестидесятых: он водил «альфа-ромео-спайдер», носил небесно-голубые водолазки, серый твидовый блейзер и щегольскую повязку на выбитом левом глазу. Иногда, глядя на него, я вспоминал Хью Хефнера, иногда — Моше Даяна. Впрочем, в детстве Рейнард был прилежным и хилым, а фортели выкидывал как раз мой дед. История с выброшенным в окно котенком была лишь первым звончком.

Летом он пропадал на улицах: уходил сразу после завтрака и возвращался в темноте, забредал на восток до вонючей реки Делавэр и на юг до верфи. Он видел, как выселенная семья пила чай на тротуаре в окружении кроватей, ламп, патефона и клетки с попугаем. Он развернул газетный пакет на крышке урны и нашел коровий глаз. У него на глазах с терпеливой жестокостью избивали детей и животных. Он видел, как толпа перед негритянской методистской церковью обступила кабриолет «нэш». Оттуда вышла Мариан Андерсон и на шесть десятилетий вперед озарила его память полумесяцем своей улыбки.

Филадельфия тех лет была вразброс засеяна Мунблаттами и Нойманами, той родней, что потом собиралась на свадьбах и похоронах мамино и моего детства. Их дома служили деду промежуточными станциями. Пробираясь между ними через итальянские и ирландские кварталы, дед вырабатывал навыки, пригодившиеся потом на войне. Он завел тайные контакты среди итальянских булочников и бакалейщиков: бегал с поручениями или подметал за мелкие монетки, лимонный лед или краюху теплого хлеба. Он изучал нюансы речи и поведения. Чтобы тебя не лупили на христианской улице, надо было изменить походку и смотреть так, будто ты здесь свой. Если это не помогало — или если вы, как мой дед, любили помахать

кулаками, — то драться надо было без правил. Даже здоровенные уличные хулиганы орали, как дети, если ткнуть им пальцем в глаз. Нередко на железнодорожной насыпи, за силосными башнями, похожими на женские груди, в ход шли колья, арматура, рогатки и камни. Деду сломали руку и выбили зуб, а уж сколько раз ему накладывали швы — не сосчитать. Как-то в драке на пустыре за сахарным заводом Маккана он с размаху шлепнулся задом на разбитую пивную бутылку. Шестьдесят лет спустя след на левой ягодице был по-прежнему виден всякий раз, как деду подставляли судно: серебристый выпуклый шрам в форме приоткрытых губ, поцелуй агрессии.

Напуганные его отлучками и травмами, родители пытались положить им конец. Были установлены границы и четкие правила; дед их нарушал. Он отказывался сообщать подробности и называть имена, стойко переносил порку, готов был обходиться без того, чего грозили лишить. В конечном счете он вымотал родителей, и они сдались.

— Мальчика, который выбрасывает котят в окно, не исправить, — заметил старый Абрам, дедов дедушка, на пресбургском немецком.

Он восседал в углу гостиной, служившей также столовой, на подушечке от геморроя, обложенный комментариями к Торе. Был один из последних свободных вечеров того лета, и уже почти стемнело.

— Но что, если он потерялся? — в тысячный или миллионный раз спросила моя прабабушка.

— Не потерялся, — сказал дядя Рэй, вынося решение, которое в конечном счете возобладало в семейном талмуде. — Он знает, где находится.

Он лежал под товарным составом, под одним из шести деревянных вагонов в дальней части железнодорожного отстойника у реки. Последний раз эти вагоны перебрасы-

вали агентов Болдуина-Фелтса на войну за шахты Пейнт-Крик. Теперь они стояли в тупике у земляного вала, заплетенные цветущими лианами.

Он прятался от сторожа по фамилии Кризи, здоровенного бугая с бельмом на левом глазу и пятнами рыжих волос на участках лица, где волос быть не должно. Этим летом Кризи уже несколько раз колотил моего деда. Первый раз он заломил ему руку так, что хрустнули кости. Второй раз протащил деда за ухо до главных ворот, где хорошенько пнул кованым башмаком; дед утверждал, что на мочке до сих пор сохранился отпечаток пальца. Третий раз, поймав моего деда среди поездов, Кризи выпорол его форменным кожаным ремнем, и теперь дед собирался лежать под вагоном, пока Кризи не уйдет или не сдохнет.

Кризи, куря, прохаживался по сорной траве между тупиком и другими путями. Дед, лежа на животе, смотрел на ботинки сторожа через сетку одуванчиков и лисохвоста. Хруп, стоп, поворот. Каждые несколько минут на гравий падал окурок и принимал смерть под правым ботинком Кризи. Дед слышал звук свинчиваемой крышки, бульканье, отрыжку. Впечатление было, что Кризи кого-то ждет, убивает время, может, собирается с духом.

Дед гадал, к чему бы это. Кризи должен был обходить пути, выслеживать бродяг и воришек, вроде моего деда, которые стеклись тем летом на Гринвичскую станцию, привлеченные слухами о просыпанном из вагонов дармовом угле. Первый раз Кризи поймал моего деда, потому что тому мешали бежать двадцать пять фунтов угля в мешке из-под сахара. Почему сторож отлынивает от работы, за которую Пенсильванская железнодорожная компания платит ему деньги? В вагоне у деда над головой копошились в гнездах мелкие зверьки, собираясь на ночной промысел. Из преподанных матерью уроков естествознания дед знал, что промысел у этих зверьков — кусать мальчишек и заражать их бешенством.

Наконец Кризи раздавил пятый окурочок, снова отхлебнул из фляжки и пошел прочь. Дед сосчитал до тридцати, потом вылез из-под вагона. Отряхивая с рубашки колкий гравий, он огляделся, высматривая Кризи. Тот, с рюкзаком за спиной, шагал к белому домику. Таких домиков между путями было несколько, и дед, впервые пробравшись на Гринвичскую станцию, поначалу зачарованно воображал, что железнодорожники живут, как пастухи, при стаде поездов. Однако вскоре он узнал, что лачужки не жилые. У них была сетка на замазанных черной краской окнах, а приложив ухо к двери, можно было слышать, как внутри гудит электричество и что-то временами щелкает, как механизм банковского сейфа. Дед ни разу не видел, чтобы кто-нибудь выходил из такого дома или входил в него.

Кризи вытащил из кармана связку ключей и вошел внутрь. Дверь мягко затворилась.

Дед знал, что надо бежать домой, где ждут горячий ужин и оперетта упреков. Он хотел есть и умел пропускать крики мимо ушей. Но он пришел сюда сегодня постоять на одном сигнальном мостике, который считал своим, и проститься с очередным летом.

Он пересек отстойный парк и вдоль насыпи прокрался к «своему» мостику. Вскарabкался по служебной лестнице и по стальным балкам долез до середины платформы в пятнадцати футах над путями. Выпрямился, держась за центральный фонарь, просунул носки парусиновых туфель между балками, отпустил фонарь и остался стоять, раскинув руки, над вращающейся Землей. Между ним и многоквартирным домом на Шанк-стрит жил железнодорожный узел, сортируя и тасуя составы на Питсбург, Нью-Йорк, Сент-Луис. Поезда грохотали и лязгали, прокладывая борозды в сумерках.

Дед повернулся к востоку. Над Нью-Джерси, словно гроза, собиралась ночная тьма. За рекой лежал Кемпден,

за Кемпденом — побережье, за побережьем — Атлантический океан, а за ним — Франция и Париж. Мамин брат, ветеран Аргоннского наступления, говорил деду, что в парижских борделях мужчина может пересечь последний рубеж, где шелковый чулок встречается с белой кожей. Мой дед обнял сигнальный фонарь, прижался животом к гладкому кожуху и посмотрел в вечернее небо. Вставала полная Луна, окрашенная земной атмосферой в цвет персиковой мякоти. Почти весь этот день, последнюю пятницу лета, мой дед читал «Поразительные истории сверхнауки», найденные среди других непроданных журналов в подсобке отцовского магазинчика. Последний рассказ был про отважного землянина, который прилетел в атомной ракете на темную сторону Луны, где нашел вдоволь воды и воздуха. Он сражался с кровожадными селенитами и влюбился в бледную лунную принцессу, которая ответила ему взаимностью. Луна была полна опасностями, и принцессу то и дело приходилось от них спасать.

Дед смотрел на Луну, думал про прекрасную героиню, с ее «грациозным, плавно извивающимся телом», и чувствовал, что внутренний прилив возносит его к ней, словно вихрь — Еноха. Он поднимался в небо на волне желаний. Он будет с нею, придет ей на выручку.

Хлопнула дверь. Кризи вышел из домика, уже без рюкзака. Деревянной походкой он перешел рельсы и продолжил обход.

Мой дед спустился с моста. Ему было не по пути мимо белого домика, но старый Абрам верно изрек из своего уголка гостиной: мальчишку, который выбросил котенка из окна на филадельфийскую мостовую с единственной целью узнать, что из этого выйдет, уже не исправишь.

Дед подошел к домику и минуту стоял, глядя на черные зарешеченные окна, затем приложил ухо к двери. В гудении электричества он различил человеческие звуки: не то кашель, не то смех, не то рыдания.

Он постучал. Звуки смолкли. Щелкнул загадочный сейфовый механизм. От сортировочной долетел гудок паровоза, готового тянуть длинный состав на запад. Дед снова постучал.

— Кто там?

Дедушка назвал имя и фамилию, немного подумал и добавил адрес. За дверью раздались звуки — на сей раз несомненный приступ кашля, — потом кто-то завозился, скрипнула кровать или стул.

Выглянула девушка, пряча правую сторону лица за дверью, которую держала двумя руками, чтобы в случае чего захлопнуть. Видимую половину головы венчала копна спутанных обесцвеченных волос. У левого глаза, под тонкой бровью, налипли комочки туши и теней. На левой руке ногти были длинные, покрашенные вишневым лаком, на правой — обкусанные и без лака. Девушка была в мужском клетчатом халате не по размеру. Если она удивилась появлению моего деда, то никак этого не показала. Если плакала, то уже успокоилась. Однако мой дед знал Кризи, как знаешь человека, который тебя бил. Как именно тот обидел девушку, дед не ведал, но это лишь подхлестывало его возмущение. Он видел подлость Кризи в размазанной туши, чувствовал в запахе жавелевой воды и подмышек из приоткрытой двери.

— Да? — сказала девушка. — Говори, зачем пришел, Шанк-стрит.

— Я видел, как он отсюда выходил. Этот говнюк Кризи.

Такое слово нельзя было произносить при взрослых, особенно при женщинах, но сейчас оно казалось уместным. Лицо девушки выглянуло из-за двери, как Луна из-за фабричной стены. Она внимательнее посмотрела на моего деда:

— Он говнюк, да. Тут ты прав.

С правой стороны волосы у нее были острижены почти под ноль, как будто на этой половине выводили вшей.

Над правой половиной губы чернели усики. Правый глаз под невыщипанной густой бровью был не покрашен. Если не считать щетины на обеих щеках, мужское и женское присутствовало на лице поровну. Дед слышал о цирковых гермафродитах, женщинах-кошках и женщинах-обезьянах, о четвероногих женщинах, на которых влезают, как на стол, но не верил этим рассказам. Он поверил бы в них сейчас, если бы под халатом не вырисовывались вполне симметричные женские округлости.

— Просмотр пять центов, — объявила девушка. — С тебя десять.

Дед уставился на свои парусиновые туфли, которые, в общем-то, не стоили того, чтобы их разглядывать.

— Идем, — сказал он, беря ее за локоть.

Даже сквозь фланелевый рукав чувствовалось, что она горит.

Девушка выдернула руку.

— Он еще не скоро пойдет через эту часть станции. Но уходить надо сейчас, — сказал дед.

У его теток тоже были усики — делов-то. Его привела сюда сила загаданного желания.

— Смешной, — ответила девушка. Она высунулась в дверь, покрутила головой вправо-влево. Заговорщицки понизила голос. — Спасать меня собрался.

У нее это прозвучало так, будто дед сморозил какую-то несусветную глупость.

Оставив дверь открытой, девушка вернулась в дом, села на койку и укрылась жестким одеялом. Свеча, прилепленная к перевернутой консервной крышке, освещала ряды черных тумблеров и поблескивающие датчики. Рюкзак Кризи валялся на полу.

— Приведешь меня домой к мамочке и папочке? — противным голосом спросила девушка. — Туберкулезную шлюху в ломке?

— Я могу отвести тебя в больницу.

— Смешной, — ответила она уже чуть нежнее. — Милый, ты уже видел, что я могу открыть дверь изнутри. Меня тут не силой держат.

Дед чувствовал, что ее держит что-то другое, не замок, но не знал, как выразить свою мысль. Девушка потянулась к рюкзаку, вытащила пачку сигарет «Олд голд», чиркнула спичкой и затянулась с такой важной манерностью, что дед внезапно понял: она младше, чем показалось в первую минуту.

— Твой приятель Кризи меня уже спас, — сказала она. — Мог бы оставить лежать, где нашел, полумертвую, мордой в груди угля. Прямо там, где Илинги меня вышвырнули.

Девушка рассказала, что с одиннадцати лет путешествовала в составе цирка братьев Энтуистл-Илинг из города Перу, штат Индиана. Она родилась девочкой в Окале, штат Флорида, но в период созревания природа добавила ей усы и пушок на щеках.

— Поначалу я имела большой успех, но дальше у меня росло все только по девочкинской части. — Она скрестила руки под грудью. — Тело вечно мне подгаживает.

Дед хотел сказать, что у него то же самое с мозгом, который заносит его то в дурацкий идеализм, то в приступы неконтролируемой агрессии, но подумал, что неправильно сравнивать свои беды и ее.

— Наверное, оттого я и стала ширяться. Гермафродит — это что-то. Немножко поэтично. А в бородатой бабе ничего поэтичного нет.

Она была в отключке, продолжала девушка, когда хозяева цирка решили наконец вышвырнуть ее из вагона, который как раз тронулся в сторону Алтуны.

— Кризи нашел мой чемодан, где эти ублюдки его кинули. Отвел меня в этот комфортабельный отель. — Подправляя одеяло, она поймала моего деда на попытке за-

глянуть в тень между ее ногами. — Кризи говнюк, не поспоришь. Но он приносит мне еду, курево и журналы. И свечи, чтобы читать. Дури не приносит, это да, хотя мне уже скоро будет без разницы. И не берет с меня за жилье больше, чем я готова платить.

Дед созерцал дымящиеся руины своего плана. Насколько он понял, девушка сказала ему, что скоро умрет, и собирается сделать это здесь, в комнатенке, смутно освещенной огарком. Кровь из ее легких была на мятом куске бурой ветоши, на шерстяном одеяле, на лацканах халата.

— У Кризи есть свои плюсы. И я уверена, жители Шанк-стрит были бы счастливы узнать, что он любезно оставил меня девушкой. В техническом смысле. — Она для иллюстрации заерзала по койке. — Железнодорожники. Практические люди. Всегда найдут обходной путь.

От движения она закашлялась снова, прижимая ко рту ветошь. Все тело содрогалось, одеяло соскользнуло, оставив ноги на обозрение моему деду. Ему было очень жалко девушку, но он не мог отвести взгляд от темноты под халатом. Приступ прошел. Девушка завернула окровавленную половину ветоши в относительно чистую.

— Смотри на здоровье, Шанк-стрит. — Она задрала халат, заголив ноги, и широко их раздвинула. Светлая полоска живота, темный курчавый мех, розовые половые губы сохранились в его памяти, реяли, как флаг, до самой смерти. — За счет заведения.

Жаркая кровь прихлынула к лицу, к горлу, к ребрам, к паху. Дед видел, что девушке нравится его смущение. Она чуть приподняла бедра:

— Давай, милый. Можешь потрогать ее, если хочешь.

Дед понял, что язык у него не ворочается. Он молча подошел, положил руку на темную шерстку и замер, шупая ее негнуцимися пальцами, как если бы проверял температуру или пульс. Ночь, лето, все время и вся история остановились.

Она резко открыла глаза и оттолкнула деда, зажимая рот правой рукой. Левая, та, что с накрашенными ногтями, пыталась нащупать тряпку. Дед вытащил из заднего кармана обрезанных вельветовых штанов крахмальный белый платок, который мать давала ему, каждый день свежий, прежде чем отпустить сына в большой мир. Девушка смяла платок в кулаке, словно и не заметив, что он там оказался. Дед смотрел, как ее тело рвется изнутри на куски. Это продолжалось очень долго, и он испугался, что она умрет прямо сейчас, у него на глазах. Наконец она вздохнула и упала на койку. Ее лоб блестел в свете огарка. Она дышала осторожно. Глаза были полуоткрыты и устремлены на моего деда, но прошло несколько минут, прежде чем девушка снова его заметила.

— Иди домой, — сказала она.

Дед высвободил из ее кулака незапятнанный носовой платок, развернул, как карту, и положил ей на лоб. Запахнул полы халата и натянул кошмарное одеяло под самый подбородок с детской ямочкой. Затем пошел к двери, но на пороге обернулся. Ее жар пристал к пальцам, как запах.

— Заглядывай как-нибудь, Шанк-стрит, — сказала девушка. — Может, я еще позволю тебе меня спасти.

Домой дед попал уже глубокой ночью. На кухне сидел патрульный. Дед ни в чем не сознался и ничего не рассказал. Мой прадед, подзуживаемый копом, отвесил деду затрещину и спросил, как тому это нравится. Дед ответил, что нравится. Он считал, что заслужил побои тем, что не спас девушку. Он даже думал сказать о ней полицейскому, но она сама призналась, что наркоманка и шлюха, а дед бы скорее умер, чем ее заложил. Получалось, что ни делай, все равно ее предашь. В конечном счете он поступил сообразно своей натуре: промолчал.

Полицейский ушел. Деда долго ругали, потом отправили спать без ужина. Он выдержал нотации, угрозы и

крики с обычным стоицизмом и хранил тайну двухполовинчатой девушки почти шестьдесят лет. Со следующего дня его заставили работать в лавке: утром и вечером после школы, в воскресенье — полный день, так что на Гринвичскую станцию он попал лишь в следующую субботу после синагоги. Уже темнело, с пятницы шел дождь. В лужах между шпалами серебрилось отраженное небо. Дед стучал в дверь беленого домика, пока рука не заныла от боли.

Содержание

ЛУННЫЙ СВЕТ. <i>Роман</i>	5
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова</i>	457

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ ШЕЙБОН
ЛУННЫЙ СВЕТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 14.03.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YBRM2049501R